

*Научная жизнь***СОВРЕМЕННОСТЬ:
ДИЛЕММЫ И ПАРАДОКСЫ***А.И. Субботин**Педагогический институт**Южного федерального университета*

17 июля 2009 г. в Донской государственной публичной библиотеке состоялся первый тур летней школы «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук». Круглый стол был посвящен теме, указанной в заглавии. На этот раз Центр политической концептологии ЮФУ пригласил Бориса Гурьевича Капустина – известного политического философа, автора книги «Современность как предмет политической теории», главного научного сотрудника Института философии РАН и одновременно – профессора Йельского университета США. Я опишу свои впечатления от данной научной импрезы.

1. Организация, режим обсуждения.

Как обычно бывает на таких мероприятиях, большинство только выслушало презентации новых книг и доклад Б.Г. Капустина (видимо, чтобы хоть так восполнить незнакомство с его книгой "Современность как предмет политической теории". М., 1998 г.), и ушло после перерыва, отказавшись от чая, кофе и печенья. Остались только аспиранты и люди, пожелавшие поучаствовать в «дискуссии» и высказать свое мнение по теме. Собственно дискуссии не было: никто никому не возражал и никто ни с кем не спорил; В.П. Макаренко, как опытный ведущий, сразу пресекал любой намек на возможное обострение ситуации обсуждения, хотя, скорее всего, зря, т.к. только в режиме спора происходит коллективное углубление содержания. В результате это углубление шло только по плану докладчика, который умело использовал для этого реплики участников.

2. Тема (доклад, содоклад), вопросы, комментарии.

Актуальность темы не вызвала сомнений. Доклад гостя был построен логично и содержательно: тщательная выверенность тезисов избавила изложение от излишних подробностей. Вопросы, заданные докладчику, носили, в основном, уточняющий характер; комментарии, если и имели критический характер, то настолько завуалированный, что вряд ли гость его уловил. В целом, доклад был принят весьма одобрительно, как интересный и будящий мысль. В этом плане столь же содержательный содоклад В.П. Макаренко имел не полемический, а дополняющий характер, и не вызвал никаких вопросов и комментариев.

3. Доклад и докладчик.

а) Характер и стиль. Борис Гурьевич Капустин сразу завоевал доверие и интерес аудитории своей непосредственностью и живым интересом к присутствующим; сразу стало понятно, что его глубоко волнуют обсуждаемые вопросы: он это не скрывал, а наоборот, подчеркивал. Так, он просил присутствующих не относиться предвзято к его концепции и призывал к пониманию (приведя в пример отзывы на его книгу, из которых в одних его называли махровым марксистом, а в других – отъявленным ницшеанцем). В ходе дискуссии он подробнейшим образом отвечал на задаваемые вопросы, и было заметно, что он отлично владеет всеми нюансами темы, очевидно, давно им продумываемыми. Также он внимательно вслушивался в комментарии, очевидно, надеясь извлечь из них что-нибудь полезное для себя.

б) Мировоззрение. Все это свидетельствовало о том, что концепция гостя не есть чисто теоретическое построение, а опирается на его собственное мировоззрение, сложившееся в эпоху перестройки, со всеми ее проблемами – решаемыми и нерешаемыми, понятными и непонятными, т.е. для его мировоззрения свойственна «интериоризация культурно-исторических конфликтов».

в) Методология. Поэтому в центре обсуждения оказалось понятие «современность», рассматриваемое в онтологическом контексте, как некая субстанция политической деятельности, осознаваемой, осуществляемой и ощущаемой «здесь и теперь» (такой взгляд сразу напоминает идею Э.В. Ильенкова об общественной деятельности как субстанции, и по-видимому, является ее распространением с социально-деятельностного на индивидуально-деятельностный контекст). Понятие «современность», очевидно, выражает здесь самосознание действующего индивида в конкретной политической ситуации, который имеет желания, намерения и цели, действует для их реализации, соотносясь с теми или иными своими предметными представлениями, с помощью которых он оценивает ситуацию, и сталкивается

как с фактами достижения своих целей, так и с неудачами; в последнем случае он *либо* начинает искать причины неудач и, находя их в неправильных предметных представлениях, совершенствует эти представления, после чего начинает действовать сначала (и это вполне марксистский подход), *либо*, уверившись в абсолютной невозможности (для себя и/или вообще) преодолеть неудачи (из-за неспособности переделывать собственные предметные представления), начинает переживать по этому поводу, описывать и анализировать эти переживания, делать из них, в духе скептицизма, принципиально негативные выводы для любого осмысляемого контекста (и это, конечно, целиком ницшеанский подход).

Получается, что авторы упомянутых гостем отзывов были правы в своей противоречивости; сам гость демонстрировал эту двойственность в ходе обсуждения, рассуждая то как марксист, то как ницшеанец. У участников это вызвало легкое удивление, но чего не встретишь в наше время на Руси. Лично у меня *возник* вопрос, как эти два взгляда уместаются в одной конкретной голове, поскольку обычно они присутствуют только в разных головах. Но ответ не так уж труден для философа: исходя из кантовой схемы самосознания, критерий осознаваемости и методологической рефлексивности любой проблемы задается границей ее разрешимости и неразрешимости; используемый как механизм самооценки, этот критерий работает в *марксистском* смысле, когда некая проблема признается, в принципе, разрешимой; он же начинает работать в *ницшеанском* смысле, когда проблема по каким-то причинам (объективным и/или субъективным) признается неразрешимой.

Ясно, что в наше время интеллектуального хаоса переход от одной из этих двух оценок проблемы к другой не поддается рациональному контролю. Более того, невозможно рационально оценить, каких же проблем сейчас больше в нашей жизни – разрешимых или неразрешимых, так что стабильность индивидуального сознания зависит только от воли личности (как учат Шопенгауер, Ницше и экзистенциалисты).

г) Концептуальный аппарат. Доклад начался с противопоставления эпистемического контекста, задаваемого четкими категориальными структурами, и того, что докладчик назвал «аристотелевским фронезисом» (справку см. ниже): это феномен, характеризующий положение действующего субъекта в динамической ситуации, со всей ее неопределенностью, многозначностью и проблематичностью для субъекта. Ясно, что речь идет о другой онтологии, нежели эпистемическая, в рамках которой и задается содержание понятия современности. (На мой взгляд, это был самый ценный момент доклада, свидетельствующий о высоком уровне концептуально-онтологического мышления докладчика.)

Далее выяснилось, что содержательная специфика фронезиса задается именно факторами, порождающими проблемы, и докладчик перешел к понятиям *воля и страсть, свобода и интерес*, соотношение и взаимосвязь

которых должно было раскрыть понятие современности. Действительно, если воля есть исходный и врожденный двигатель человеческой деятельности, то в страсть она переходит, когда человек сталкивается с препятствиями, и тем более резко, чем неожиданнее это происходит. И тогда человек переходит в положение свободы – когда он, фактически, уже не связан с определенными нормативами, а должен сам определить, где он оказался, что происходит и что ему делать. Это положение проблемное, и если человек не ответит себе на эти вопросы, он «зависает» в пространстве рефлексии, не имея возможности опереться на предметные формы деятельности. Это значит, что целеполагание не дает человеку гарантии овладения ситуацией, в отличие от «предметополагания», которое только и позволяет ему ориентироваться в реальной ситуации. Но проблемой самосознания для человека становится вопрос: являются ли «предметы» (т.е. заранее заданные, культурные опредмеченные нормы ориентирования в ситуациях) полезными или же это, наоборот, препятствия, ограничивающие его свободу?

В этом свете свобода для человека – это не состояние, а, скорее, процесс – освобождения от тех или иных факторов, расцениваемых, как препятствия. Но устранять эти препятствия можно по-разному, например, не выходя за пределы собственной воли, что означает уничтожение любой другой воли. Выход же за эти пределы означает учет другой воли как естественного фактора, а мотив, включающий это, приобретает статус интереса (интерес не бывает только индивидуальным). Получается, что для человека самое главное – познать свой интерес: если он сумеет это сделать (хотя бы и в марксистской парадигме), он найдет свое место в мире; если же нет – то станет нищезанцем. Но поскольку у всякого человека это то получается, то нет, в той или иной ситуации, то он вынужден прыгать от отчаяния к надежде и обратно (что опять возвращает нас к скептикам, Екклесиасту и экзистенциалистам). Именно таково положение политика: человека, разрывающегося между требованиями аморальной и бесчеловечной политической целесообразности и собственной человеческой совестью.

4. Эпизоды обсуждения.

Был задан вопрос о различии понимания современности в марксизме (где оно, конечно, должно присутствовать) и изложенным в докладе. Ответ был дан в том смысле, что марксистское понятие современности оторвано от ситуативной данности конкретному индивиду, что оно есть взгляд на подлинную современность с позиции, смещенной в далекое – коммунистическое – будущее, так что в результате получается весьма упрощенная, смазанная и урезанная картина современности, не включающая индивидуальное содержание. В марксизме современность не есть самоцель, а

есть только средство достижения будущего, – фактор реализации проекта. Это интересное категориальное построение.

Проф. Г.В. Драч высказал уверенность в том, что древнегреческая философия никогда не потеряет своего значения в деле анализа философских проблем, которые возникают всегда, с каждым новым поколением; нужно только, чтобы это новое поколение отнеслось к этим проблемам не как к поводу для личного самоутверждения, а как к имеющим социокультурный, т.е. всеобщий, смысл, и тем послужило человечеству.

Доц. А.И. Субботин, желая сделать «онтологическое резюме» выступления проф. Г.В. Драча, отметил важность термина *фронезис*: фактически, сейчас все мы оказались в ситуации фронезиса, даже здесь, на этом обсуждении, мы все находимся в этой ситуации. Возникает естественный вопрос: что должен представлять из себя *субъект* фронезиса? Теоретический анализ этого вопроса еще предстоит, но наглядный образ такого субъекта демонстрирует не кто иной, как наш уважаемый докладчик («Вот он!»), – как сказал гоголевский Вий, обнаружив, наконец, философа Хому Брута), за что мы все должны быть ему очень благодарны.

Проф. В.А. Шкуратов предложил новый термин – «видеодигма» – для обозначения ментальной специфики решения жизненных проблем современной молодежью. Это хороший пример применения философского мышления для характеристики современности.

Из выступления аспиранта В.Козера следовало, что в полемике по вопросу действительного содержания понятия капитализма мало смысла: каждый вкладывает в него свое понимание, и это никак не сказывается на экономической действительности. В экономике происходят системные преобразования, которые, конечно, завершатся ее стабильным состоянием, независимо от политических игр и распрей. Это прозвучало, как сомнение в актуальности обсуждения предложенных докладчиком контекстов и, тем более, принятия их так близко к сердцу, как это имело место у докладчика. У аудитории это выступление породило уверенность в блестящем будущем, каковое будет обеспечено передовой философской молодежью, смело стряхивающей со своих одежд прах и пепел прошлых догм и традиций на головы стариков, где им самое место.

Проф. Т.Г. Лешкевич поинтересовалась, почему в докладе не были отражены политические концепции постмодернизма и само это направление в целом. Докладчик признал этот недостаток и ответил в том смысле, что такие концепции, если они вообще есть, не могут быть рациональными, а что такое иррациональная политика – пока неизвестно (если не считать политикой маргинальность и амбивалентность).

Вопросы аспирантов уточняющего характера, а также выступления участников с собственным видением темы здесь не рассматриваются.

5. Идеи, порожденные докладом.

1) Если проблематичность, т.е. *неравновесность*, есть главная характеристика фронезиса, то главной задачей самосознания становится восстановление равновесия (что выводит нас прямо в восточную философскую традицию и заодно – в синергетику), а деятельность человека (как и вообще все процессы в природе) предстает в виде циклической схемы *нарушения/восстановления* исходного равновесия. Именно она, хотя и сильно формализованная, лежит в основании гегелевской системы.

2) Определение: современность – это совокупность (позитивных и негативных) обстоятельств в ситуации человеческой деятельности. Это определение предметное, и к нему можно относиться, как к предмету (в том смысле, что можно не ограничиваться переживаниями).

3) Версия: свобода – это состояние нарушенной привычки. До революции на Руси хорошо различали волю и свободу, а вот после – это различие смазалось: воля была сведена к свободе.

4) Версия категориальных связей: «свобода для» – это воля; «свобода от» – это протест (или освобождение). Налицо эволюция культуры от «дисциплинирования протеста» (юриспруденция) к «фабрикации воли» (информационное манипулирование).

5) Классический эволюционный цикл генезиса политического сознания: воля → ограничение воли → протест → отмена ограничения (свобода) → воля' (экспансия воли). В этом цикле точка замыкания – воля. В современном политическом сознании эта точка смещена на протест; в этом суть политтехнологий (см., например, Р. Шайхутдинов. Охота на власть. – Есть в интернете).

6) Термин «фронезис» («практическая рассудительность», «мудрость», а в современной терминологии – «обеспечение реализуемости проектов») уже широко ходит в интернете, и именно в связи с политическим контекстом. Исходным текстом является: Аристотель. Никомахова этика/Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983, с. 175-181. Этот термин сопоставляется с терминами «ноэзис», «поэзис», «праксис» и др. и используется современными авторами для выражения специфики политической действительности. Но само понятие фронезиса до сих пор не подвергалось анализу; по сути, его используют как метафору. Не исследовано также понятие «ситуация фронезиса» как онтологически исходное для понятия «современность» у докладчика, равно и как понятие *субъект фронезиса*, явно имеющее важное значение для современной политологии. Что касается последнего, то очевидно, что само это понятие парадоксально: на феноменальном уровне всякий, кто осознает себя в ситуации фронезиса (т.е. тотальной проблематичности), тем самым является ее субъектом, неважно, знает он это или нет; на эпистемическом же уровне таковым может быть только тот, кто решит для себя (и других), что же ему в

этой ситуации делать. Но для последнего надо, по крайней мере, знать, а что вообще *можно* в такой ситуации делать, и что *нужно* в ней делать, т.е. мыслить на уровне самосознания. Как мне показалось, уважаемый докладчик демонстрировал на себе эпистемизацию ситуации фронезиса, и, похоже, кое-что у него получилось.

Выводы. Таким образом, данный круглый стол был проведен на весьма высоком организационном, методологическом и теоретическом уровне и, безусловно, внес большой вклад как в подготовку аспирантов, так и в дело привлечения специалистов-философов к политико-философской проблематике. Нет сомнения, что у всех присутствовавших была блестящая возможность, на примере Б.Г. Капустина, приобщиться к пониманию всей сложности (объективной и субъективной) политического сознания, выработка которого на Руси была прервана революцией и которое еще предстоит возродить и развивать.